

УДК 398.8; 784.4
ББК 82.3(2=411.2)

«ПО ДИКИМ ПУСТЫНЯМ КИТАЯ» — ПЕСНЯ ИЗ РЕПЕРТУАРА ЗАБАЙКАЛЬСКИХ КАЗАКОВ АВСТРАЛИИ: К ИСТОРИИ ТЕКСТА И МЕЛОСА

ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ КЛЯУС

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН:
Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а)

ЛЮДМИЛА ПЕТРОВНА МАХОВА

(Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского:
Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Б. Никитская, д. 13/6)

Аннотация. В статье рассматривается история казачьей песни «По диким пустыням Китая». Авторами сделаны и выявлены несколько ее записей и публикаций — на Алтае, в Омской обл., Бурятии, Казахстане, Австралии и США. Создание песни связано с уходом казаков, участвовавших в Гражданской войне на стороне Белого движения, в Китай. Авторами показана вариативность ее содержания в зависимости от исторического контекста, в котором оказались и жили исполнители песни. Впервые осуществлена нотация имеющихся аудиозаписей, в том числе опубликованных на аудио CD. Анализ особенностей голосоведения в сольном пении, а также в вариантах, записанных от одиночных исполнителей с элементами реконструкции двухголосия, мужского, женского и двух смешанных ансамблей, позволяет сделать вывод, что именно мужской ансамбль потомков забайкальских казаков в г. Сиднее (Австралия) демонстрирует наиболее интересное развитие многоголосной мелодической фактуры песни.

Народная песня для русских австралийцев оказалась важным фактором их единения на чужбине. Глубоко эмоциональная казачья песня является вершиной творческого мастерства забайкальцев. Сочиненная кем-то из ушедших в Синьцзян сибирских казаков песня «По диким пустыням Китая», оказавшись в Маньчжурии, в Трехречье, попала на благодатную почву забайкальской песенной казачьей традиции. И трехреченцам, уехавшими в Австралию, сегодня она напоминает не только о родине их предков, но и об их малой родине — Китае.

Ключевые слова: казачий песенный фольклор, традиционное голосоведение сибирской традиции, забайкальские казаки Австралии.

Жизнь забайкальских казаков на кита́йской приаргунской территории, в первую очередь в Трехречье, довольно хорошо уже отражена в научной литературе (см.: [Аргудяева 2016; Тарасов 2003] и др.). Их исход оттуда в Австралию произошёл в начале 1960-х гг. Уехали те, кто

в новом Китае и в Советском Союзе для себя не видели места, кто имел личные счёты с большевиками, кто опасался гонений за веру, кто не принимал колхозную и совхозную организацию труда.

Полевые исследования одного из авторов данной статьи в Австралии в 2009,

2015 и 2016 гг. показали, что среди потомков забайкальцев на пятом континенте не фиксируется того многообразия жанров, которое можно встретить у русских Восточного Забайкалья и у китайских русских Трехречья, а именно сказок, мифологических рассказов, легендарной прозы, заговорно-заклинательной поэзии (см.: [Кляус 2015; Забияко 2017]). При переезде в далекую от России Австралию эти жанры потеряли свою актуальность. Оказавшись на другом континенте в больших городах, порой без копейки в кармане, приехавшим из Китая забайкальским казакам, их детям, привыкшим работать на земле, пришлось заново, с нуля начинать свою жизнь. И многолетняя работа на стройках и фабриках с утра до ночи почти без выходных и отпусков позволила им выжить и обеспечить благополучие своим родным и близким, а затем и помогать родственникам, волею судеб оказавшимся в России.

В австралийских условиях фольклорный багаж забайкальских предков оказался во многом невостребованным, за двумя исключениями — казачья песня и народная хореография¹. Значимость этого факта трудно переоценить, так как в самом Забайкалье сегодня они фактически уже забыты. Одному из авторов настоящей статьи, когда он первый раз оказался на Аргуни в 1992 г., удалось записать единичные образцы казачьей песни. Сейчас же в бывших станицах Забайкальского казачьего войска только вспоминают о том, что их когда-то пели. Не до этих песен было в советские годы в Забайкалье, когда из людей каленым железом вытраивалась память об их казачьих корнях.

Среди русских Австралии особенно известна своим пением семья Родионовых, потомков казаков-старообрядцев из трехреченского п. Верх-Кули. Впервые братьев Романа Ефимовича (1936 г. р.), Кузьму Ильича (1943 г. р.) и Николая Федоровича (1945 г. р.) один из авторов данной статьи услышал осенью 2015 г. Мы встретились в небольшом китайском

ресторанчике, где они не раз до этого уже собирались, так как владельцы не против их пения. И действительно, когда в небольшом уютном зале зазвучали казачьи песни, хозяева и посетители с интересом слушали их, не понимая слов, но чувствуя их красоту и силу. В тот же приезд довелось побывать на дне рождения Кузьмы Ильича, который он отмечал в одном из русских клубов Сиднея, и уже почти в семейной обстановке услышать их пение.

В ноябре 2016 г. не только вновь удалось повстречаться с Романом Ефимовичем, Кузьмой Ильичом и Николаем Федоровичем, но и услышать уже на юбилее Романа Ефимовича в исполнении почти всего² «Родионовского хора» все шедевры их репертуара — «По диким пустыням Китая», «Ты прощай, наш Забайкал», «Вот скрылось солнце за горою». В тот приезд были записаны забайкальские казачьи песни и от других австралийских русских — Алексея Михайловича Матафонова, Софьи Михайловны Тонких. Это показывает, что в Австралии песни забайкальских казаков сегодня всё еще исполняют. А благодаря тому, что уже несколько лет в Австралии существует «австралийское посольство» Забайкальского казачьего войска, эта песенная традиция получила новый импульс для своего бытования.

Одно из центральных мест в репертуаре братьев Родионовых занимает песня «По диким пустыням Китая», которая представляет собой образец поздней казачьей лирики. По словам К. И. Родионова, песня появилась в Трехречье в 1930-х гг. Приведем ее текст, записанный в 2015 г. от Кузьмы Ильича (запевала), Романа Ефимовича, Николая Федоровича Родионовых и Семена Михайловича Бойкова (пример 1). Песня не раз фиксировалась от братьев Родионовых и с другими исполнителями [Полуполтинных 2012].

Пример 1

напев: ABCDCD

текст: АБВГВГ

¹ О русской мужской пляске в Трехречье и в Австралии см.: [Кляус, Махова 2018].

² «Почти всего» потому, что другая часть рода проживает в России и в Казахстане. В 2016 г. в с. Песчаном Павлодарской обл. один из авторов статьи повстречался еще с одним братом — Кузьмой Исаевичем (1943 г. р.), также замечательным песельником. По его словам, когда он приезжает к родным в Омск, откуда имеет возможность по Интернету пообщаться с сиднейскими братьями и сестрами, они «поют по скайпу».

Запевает
Кузьма
Родионов
(один):

Австралия
г. Сидней

1. Па - ди - ким пус - ты - ням Ки - та - я

С тас - кой, на - ба - лёв - шей в гру - ди,

Па ми - лым семь - ям из - ны - ва - я,

Взва - да - ми (й)и - дут ка - за - ки.

Па ми - лым семь - ям из - ны - ва - я,

Взва - да - ми (й)и - дут ка - за - ки.

1. Па дїким пустыням Китая
С таскóй, набалéвшай в груди,
Па милым семья́м изнывая,
Взвadáми идут казаки.
Па милым семья́м изнывая,
Взвadáми идут казаки³.

2. День жаркий, вадí ни расі́нки,
Писóк да булыжник кругом.
Каза́ки раня́ют слезинки,
Сму́щая друг друга тайком.

3. А там, на канé, чуть мелька́ит
Палкóвник седой впереди.
Он(ы) горе лю́дей панима́ет,
С дасáдаю треплет усы.

4. Он прожил на свéти нима́ла, —
Пара бы иму́ атды́хать,
Но злая судьба предсказала
Аста́тки атря́дав принять.

5. Иму́ вспамина́ются годы,
И звуки лихих трубачей.
Не раз он вадíл их в пахóды,
Свай́х казаков-усачей.

6. И бы́ла то время нидáвно,
Картина иная была:
Служили все чéстна, испра́вна,
И слава пра во́йска расла́.

7. Но вот заката́лася со́лнце,
И землю́ акúтала тьма.
Павы́лезли гады из пекла,
Свабóда в Росси́ю пришла.

8. И вы́шел тут опыт пичáльный,
Купила их шайка жидов.
И тут же с надсмéшкой зларáдной
Рубить начала казаков.

9. Павы́гнули всех из станицы, —
С дуби́нкой пришлось ваивáть!
Пришлось нам стремі́ться к границы, —
Пришлось ва Китай атступáть.

10. «Да что ж приуныли, ребята?
Даст Бог — мы вернёмся дамой!
Затягивай песню лихую!..», —
Сказал он, махнувши рукой.

Окончание поет один⁴:

11. И кто-та запел в середине,
Другие иму́ памагли́.
И тут же с наде́ждай ажи́ли,
С наде́ждаю жили ани́
[Архив ИМЛИ 2015].

Песня была записана от старообрядцев и на другом континенте — в Америке: Е.Н. Розумовской в 1990-х гг. в г. Вудборн (Woodburn) штата Орегон США от харбинца Кирилла Петровича Куцева, 1942 г. р. (пример 2, нотация Л.П. Маховой). Собирателем она отнесена к растяжным прогословным песням.

Пример 2

напев: ABCDCD

текст: АБВГВГ

1. Па дїким пустыням Китая
С таскóй, набалéвшай в груди,
Па милым семья́м изнывая,
Взвadáми идут казаки.
Па милым семья́м изнывая,
Взвadáми идут казаки⁵.

2. День жаркий, в пали́ нет расі́нки,
Песок да булыжник кругом.
Каза́ки раня́ют слезинки,
Сму́щая друг друга тайком.

3. А там, впереди, чуть мелька́ит
Палкóвник седой на кане.
Он го́ря лю́дей панима́ет,
С дасáды он треплет усы.

4. (й)Иму́ вспамина́ются годы,
И звуки лихих трубачей
Не раз он вадил (й)их в пахóды,
Свай́х казаков-усачей.

³ Далее структура песенной строфы сохраняется.

⁴ Последний куплет спел один исполнитель — Семен Михайлович Бойков, и, нужно сказать, довольно неожиданно для братьев Родионовых, которые, судя по всему, его не знают. В других записях песни от них данный куплет действительно отсутствует. Семен Михайлович — атаман австралийской станицы Забайкальского казачьего войска, довольно молодой человек с обширным песенным репертуаром. Откуда он знает куплет, сказать довольно сложно.

⁵ Далее структура песенной строфы сохраняется.

5. Он прожил на світи німа́ла, —
 Пара́ бы іму́ атдохну́ть.
 Но злая судьба предсказала
 Аста́тки атряда́в прыня́ть.

6. И тут заката́лася со́лнца,
 И землю́ аку́тала тьма:
 Павы́лизли гады́ из пекла,
 Свабо́да в Росси́ю прышла.

7. И люди́ впа́тьма́х заблудились,
 Даро́гу найт́и ні сма́гли,

Са слў́жбай а́не ні смири́лись, —
 Папрóдали са́бли сва́й.

8. И вы́шал тут опы́т пича́льный:
 Купила́ их кучка́ жидов.
 И тут же с надсме́шкой зляра́днай
 Рубить́ нача́ли казаков.

9. Павы́гна́ли нас из ста́нціа́в
 С дубі́нкай нам где́ ж ва́йва́ць?
 Прыде́тса в Прымо́рья стре́мі́тса, —
 Прышло́ся в Кы́тай атсту́па́ць.

США
 Штат Орегон
 г. Вудберн (англ. Woodburn)

♩ = 200

1. Па́ ді - ким пу́с - ты - ням Ки - та - я

С та́с - ко́й, на - ба - ле́в - шай в гру - ди,

♩ = 100

Па́ ми - лым се́мь - я́м из - ны - ва - я,

с дви́жением *♩ = 200* *♩ = 100*

Взва - да́ - (а) - ми и - дут ка - за - ки.

3

Па́ ми - лым се́мь - я́м (й)из - ны - ва - я,

с дви́жением *♩ = 200*

Взва - да́ - ми (й)и - дут ка - за - ки.

Вариант за́пева:

2. Дeнь жар - кий, в па - лі́ нет ра - сін - ки

10. «Но что же, друзья, с-приуныли?
Бог даст же — вернёмся дамо́й!
Затягивай песню лихую!..» —
Сказáвши, махнул он рукой.

11. И кто́-та запел из середины
Другие (й)имú памагли́.
И люди как б́удта ажи́ли,
В надéжду зашли казаки
[CDMAN450–11, № 23],
нотация Л. П. Маховой.

Пока это наиболее ранняя из известных нам зарубежных фиксаций песни, именно в песенном исполнении, хотя текст печатался в эмигрантских изданиях и ранее.

В 1958 г. текст был опубликован Е. М. Красноусовым в составленном им сборнике «2-я батарея 1-го Сибирского казачьего конно-артиллерийского дивизиона», вышедшем в Брисбене, в виде стихотворения «Казачий поход в Китай» [Красноусов 1958, 355]⁶. К нему есть небольшой комментарий составителя: «Помещаемые мною ниже стихи получены были мною от казака И. Н. Вилкова с короткой пометкой — “без автора”, смысл которой мне не понятен: его ли это стихи или чьи-то чужие, записанные “по памяти”?» [Там же, 351]. Иван Вилков из Сиднея передал Е. М. Красноусову свою подборку летом 1957 г. [Там же, 2]. В ней шесть текстов. «Казачий поход в Китай» стоит последним. Первые пять — стихи, посвященные истории казачества («Казаки»), описывающие сибирские степные просторы («Степи сибирские»), мирную жизнь казачьей станицы («Станица»), ужасы Гражданской войны («Моему сыну»), осмысляющие значение песни в жизни казаков («Песнь казака»). Пока не удалось атрибутировать их все, но «Станица» — это стихотворение «О станице и кургане» Е. Булавина, жившего на момент его публикации в пражском журнале «Вольное казачество» в Канаде [Булавин 1930], «Казаки» — стихотворение М. Надеждина «На окраинах русской великой земли», известного по публикации в журнале «Доброволец» [Надеждин 1956]. Поэтому пометка «без автора» свидетельствует о том, что И. Н. Вилков сам вел какой-то блокнот, куда записывал, переписывал понравившиеся ему услышанные/прочитанные стихи и песни, что было обычно для того времени.

Приведем текст «Казачий поход в Китай», сохраняя орфографию и пунктуацию публикации Е. М. Красноусова:

По дикимъ пустынямъ Китая, съ тоской,
наболѣвшей въ груди,
По милымъ семьямъ изнывая, взводами
идутъ казаки.
День жаркй, воды ни росинки, песокъ
да булыжникъ кругомъ.
Казаки роняють слезинки, смущаясь
друг-друга, тайкомъ.

А тамъ, впереди, чуть мелькая, Полковникъ
сѣдой Командиръ.
Онъ, горе людей понимая, съ досадою
треплеть усы.
Онъ пожилъ на свѣтѣ немало, пора-бы
ему отдыхать,
Но злая судьба приказала остатки отряда
принять.

Ему вспоминаются годы, вся юность
и звукъ трубачей:
Не разъ онъ водилъ их в походы,
своихъ казаковъ-усачей.
И было то время недавно. Картина иная
была:
Служили всѣ честно, исправно, и слава
про Войско росла.

Но вотъ закатилося солнце, и землю
окутала тьма,
Повылезли гады изъ пекла: свобода
въ Россію пришла.
И люди, въ потьмахъ заблужденья,
дороги себѣ не нашли,
Присягъ они измѣнили и вложили шашки
въ ножны.

И вышелъ тутъ опытъ печальный: купила
ихъ кучка жидовъ,
И тутъ-же, съ усмѣшкой злорадной,
рубить начала казаковъ.
Повыгнала всѣхъ изъ станицы:
съ дубинкою гдѣ-жъ воевать?!
Пришлось намъ къ Китаю стремиться,
пришлось намъ въ Китай отступать.

«Ну что-жъ приуныли, ребята?! Бог
дасть-же, вернемся домой,
Затягивай песню лихую», — сказалъ онъ,
махнувши рукой.

⁶ Благодарим В. А. Шулдякова за указание на данный источник.

И кто-то началъ изъ середины, другіе ему
помогли,
И люди, какъ-будто ожили: надѣждоу
жили они.
И снова дорога пылится, и снова проходятъ
ряды,
Теперь ужъ никто не рѣшится продать
идеалы свои.

Это самый полный вариант текста из всех известных на данный момент. Судя по характеру построения строф, песня переделана в форму стихотворения: в одной строфе «сведено» два куплета. И только последняя состоит не из четырех строк, а из двух, т.е. из одного «куплета», который, заметим, пока еще не зафиксирован в устном исполнении.

Биография составителя и история брисбеновского сборника описана В. А. Шулдяковым в статье «Сотник Е. М. Красноусов и его книга “2-я батарея...”» [Шулдяков 2006]. Командуя 2-й батареей 1-го Сибирского казачьего конно-артиллерийского дивизиона, сотник участвовал в осенних боях 1919 г. в Западной Сибири, зимой 1920 г. отступал с Колчаком до Читы, в 1920–1922 гг. в составе Сибирской казачьей батареи и Забайкальского казачьего артдивизиона воевал в Забайкалье и Приморье. Оказавшись в Китае, он обосновался в Шанхае и оттуда эмигрировал в Австралию в конце 1940-х гг.

Иван Вилков, приславший Е. М. Красноусову «стихотворение», вероятнее всего, был его сослуживцем. И данная публикация прежде всего свидетельствует о том, что текст песни был известен в Австралии до приезда туда основной массы казаков-трехреченцев, которые на Зеленый континент уехали из Китая только в 1962 г.

В 1975 г. текст песни был опубликован в Приложении к выходившему в Лос-Анджелесе журналу «Первопоходник» под названием «Анненковцы» (№ 27–28, 1975). Жанр не обозначен, но сохранено куплетное построение песни [Анненковцы 1975]. Если сравнивать с публикацией Е. М. Красноусова, то в этом варианте отсутствует куплет, начинающийся словами «И вышел тут опыт печальный...», есть разночтения на уровне отдельных словоформ, что указывает на его независимость от брисбенского сборника «2-я батарея...», у него была собственная история устного бытования в США.

Текст «Анненковцы» в журнале «Первопоходник» стоит сразу после небольшой заметки про А. В. Анненкова. Из этого, а также из самого названия можно заключить, что автор заметки и редакция считают: в нем поэтически отражен уход войск под командованием этого генерала в Северо-Западный Китай, в провинцию Синьцзян, в апреле 1920 г. Странно, что публикаторы не обратили внимания на то, что, уходя, казаки стремятся в *Приморье*. Для харбинца К. П. Куцева, у которого герои песни поступают так же, это вполне логично, а вот для анненковцев — нет.

Публикуя «стихотворение неизвестного автора» «Казачий поход в Китай» в исследовании «Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920», В. А. Шулдяков разместил его в главе «Народная дивизия подбесаула Гноевых и подхорунжего Токарева», после раздела «Бегство в Китай» [Шулдяков 2004, 313–314]. По мнению автора, оно отражает историю казаков, участников западно-сибирского восстания, которые в составе Народной дивизии под командованием Гноевых и Токарева прорывались с боями в Китай, в провинцию Синьцзян, в апреле 1921 г., т.е. через год после анненковцев.

О том, что думали об этих стихах/песне русские австралийцы И. Н. Вилков и Е. М. Красноусов, орегонский харбинец К. П. Куцев, мы уже не узнаем. А вот один из наших сиднейских исполнителей, перед тем как петь, сказал буквально следующее: «*Песня описывает историю исхода наших прадедов из земли русской, когда уходили поневоле своей. Отстреливались, уходили с “тоской в наболевшей груди”*». То есть для трехреченцев в песне отразилась история тех забайкальских казаков, которые после поражения в Гражданской войне в 1920-е гг. из Забайкалья уходили в Маньчжурию. При желании можно найти и прообраз песенного полковника. К примеру, Софья Михайловна Бойкова рассказывала, что из России в Маньчжурию последних забайкальских казаков вывел полковник Гантимуров. Вывел именно отряд, боевую единицу, как об этом и повествуется в песне [Архив ИМЛИ 2016].

Но текст всё же сочинил не забайкалец и не казак какого-то другого войска на Дальнем Востоке, приамурского или уссурийского. Именно поэтому в нем не отражаются реалии российско-китайского приграничья по Аргуни, Амуру и Уссури.

Говорится о «пустынях Китая». В местности, где находятся герои, «песок и булыжник кругом» и в жаркий день совершенно нет возможности добыть воды («в пали нет расинки / во рту ни росинки / вады ни расинки»). Барга, Трехречье, да и в целом Маньчжурия, куда уходили участники Белого движения, даже в засушливые годы были хорошо обеспечены водой. А вот природные условия Синьцзяна — полупустыня и засушливые степи — больше подходят к тем, которые описаны в начальных строках текста. Кроме того, из песни следует, что казаки идут пешком, идут взводами и лишь командир на коне «мелькает» впереди. При желании можно, конечно, представить, что так забайкальские казаки уходили в Маньчжурию, но по имеющимся воспоминаниям всё было несколько иначе — по одиночке, семьями, нередко перегоняя свой скот на правый берег Аргуни. В Синьцзян же, потерпев поражение от большевиков, белогвардейцы действительно шли полками, дивизиями — аненковцы, дутовцы, бакичевцы и др., и иногда только с одним оружием и пешком.

Тексты из журнала «Первопоходник», «стихотворение» «Казачий поход в Китай», орегонский и сиднейский варианты, видимо, отражают самую раннюю версию песни «По диким пустыням Китая». Печатные варианты отличаются наибольшей полнотой, в «стихотворении» 13 «куплетов», в «анненковском» — 12, песенные сиднейский и орегонский варианты — по 11 куплетов. В них осмысляются события, произошедшие в России в 1917 г. и определившие поворот в жизни всей страны и судьбе казачества. Само это указывает, что автор был весьма образованным человеком, попытавшимся в поэтической форме выразить свое отношение к одному из сложнейших периодов в истории России. Примечательно, что устное бытование способствовало некоторой редукции куплетов с историко-философским содержанием.

Кратко охарактеризована жизнь казаков в Российской империи (в орегонском варианте отсутствует):

«Анненковцы»

И было то время недавно.
Иная Россия была —
Служили всё честно, исправно,
И слава про войско росла.

Сиднейский вариант

6. И была то время нидавно,
Картина иная была:
Служили все честно, исправна,
И слава пра войска расла.

«Казачий поход в Китай»

И было то время недавно. Картина иная
была:
Служили всё честно, исправно, и слава
про Войско росла.

Следующие два куплета всех зарубежных вариантов песни совпадают:

Сиднейский вариант

7. Но вот закатилася солнце,
И землю акутала тьма.
Павылезли гады из пекла,
Свабода в Рассию пришла.

Орегонский вариант

6. И тут закатилася солнца,
И землю акутала тьма:
Павылизли гады из пекла,
Свабода в Рассию пришла.

В «стихотворении» «Казачий поход в Китай» это первые строчки четвертой строфы, они аналогичны сиднейскому варианту и «анненковцам».

Забегая несколько вперед, заметим, что такой куплет есть и в варианте, записанном И. Г. Чумаковым в с. Соляном Омской обл.:

5. Вот спрятался месяц за тучку,
И землю окутала тьма.
Повылезли гады из пепла,
В Россию коммуна пришла.

Он хотя и имеет довольно романсовое начало, снижающее картину апокалиптического характера, но иначе называет то, что же «пришло» в Россию — коммуна, вместо абстрактной свободы, явно взятой автором из лозунга «Свобода. Равенство. Братство», под которым прошла Великая русская революция 1917 г., приведшая к отречению от престола Николая II и Гражданской войне.

Значительная часть казаков, служивших «Вере, Царю и Отечеству», оказалась на перепутье. В печатных и в орегонском вариантах это охарактеризовано следующим образом:

«Анненковцы»

И люди впотьмах заблудились,
Дороги найти не могли,
Со службой они не смирились,
И продали *шпаги* свои.

Орегонский вариант

7. И люди впятьма́х заблудились,
Даро́гу найти ни смагли́,
Са службай а́не ни смири́лись, —
Папрóдали са́бли свай.

«Казачий поход в Китай»

И люди, вь потьмах заблужденья, дороги
себѣ не нашли,
Присягѣ они измѣнили и вложили шашки
вь ножны.

Использование в «стихотворении» «Казачий поход в Китай» словосочетания *впотьмах заблужденья* имеет явно книжные истоки. Здесь же говорится, что казаки изменили присяге и отказались служить, что выражено в следующем жесте — *вложили шашки в ножны*. Орегонский вариант песни сообщает о том же, но совершенно иначе, рисуя абсолютно нереальную ситуацию — казаки продают свои сабли, т.е. остаются вообще без оружия. В «анненковском» продают шпаги, которых у казаков никогда не было. Нереальность придает ситуации символический характер. И следующие строки (в «анненковском» отсутствуют) поддерживают символичность описываемого: мы узнаем о «покупателях», обративших казачьи сабли против самих же казаков.

Сиднейский вариант

8. И вы́шел тут опыт пича́льный,
Купила их шайка жи́дов.
И тут же с надсмѣшкой злара́днэй
Рубить начала каза́ков.

Орегонский вариант

8. И вы́шал тут опыт пича́льный:
Купила их кучка жи́дов.
И тут же с надсмѣшкой злара́днэй
Рубить начали каза́ков.

«Казачий поход в Китай»

И вышель тутъ опытъ печальный:
купила ихъ кучка жи́довъ,
И тутъ-же, съ усмѣшкой злорадной,
рубить начала каза́ковъ.

Казакам пришлось воевать дубинками:

Сиднейский вариант

9. Павы́гнали всех из станицы, —
С дубинкай пришлось ваива́ть!
Пришлось нам стремитса к границы, —
Пришлось ва Китай атступа́ть.

Орегонский вариант

9. Павы́гнали нас из станицав
С дубинкай нам где ж ваива́ть?
Придѣтса в Приморья стремитса, —
Пришлосѣ ва Китай атступа́ть.

«Казачий поход в Китай»

Повыгнала всѣхъ изъ станицы:
сѣ дубинкою гдѣ-жъ воевать?!
Пришлось намъ къ Китаю стремиться,
пришлось намъ вь Китай отступать.

«Анненковцы»

Повыгнали всѣх из станицы —
С дубинкою гдѣ-ж воевать?
Пришлось им к Приморью стремиться,
Пришлось им в Китай отступать...

Обратим внимание, что в «стихотворении» «Казачий поход в Китай», хотя и самом полном, нарушена логика повествования: если опираться только на данный текст, не ясно, что купили *жиды* и почему казакам пришлось воевать *дубинками*, почему они не вытащили свои сабли из ножен, о которых говорилось ранее? Сиднейский и орегонский песенные варианты в этом фрагменте точнее передают авторский замысел.

В. А. Шульдяков неслучайно текст «стихотворения» разместил в разделе об уходе в Китай Народной дивизии после подавления западносибирского восстания 1921 г., а не там, где он рассказывал об анненковцах, дутовцах или каком-либо другом воинском соединении белых, каких немало отступило в Сынцзян. Видимо, дело в том, что многие казаки, вошедшие в ее состав из 1-й Сибирской казачьей дивизии и других повстанческих отрядов, в 1919–1920 гг. поддержали советскую власть. К примеру, подхорунжий С. Г. Токарев, командир повстанческой 1-й Сибирской казачьей дивизии, в 1919 г. одним из первых сдался красным, перешел от Колчака. В. А. Шульдяков пишет: «В 1919 г. многие казаки-фронтовики ради прекращения Гражданской войны готовы были не только положить оружие перед коммунистами, но и расказачиться, то есть отказаться от

войсковой автономии, от казачьего звания и прочего. Лишь бы сохранили жизнь, разрешили вернуться домой, к семье, дали спокойно хозяйствовать на земле. Положили оружие, вернулись, но... Выдержали недолго. <...> Что заставило людей, в конце 1919-го — начале 1920 г. бросавших пушки, пулеметы, винтовки, отказывавшихся от казачества, передумать настолько, чтобы в феврале 1921 г. с вилами и кольями пойти сражаться за восстановление казачьего войска?» Главная причина одна, отвечает на свой же вопрос автор, — военный коммунизм [Шуддяков 2004, 279]. Исследователь также отмечает значительный антиеврейский настрой у повстанцев [Там же, 284–286].

История западносибирского восстания 1921 г., боевой путь Народной дивизии под командованием подъяесаула Гноевых и подхорунжего Токарева действительно более всего соотносятся с песней «По диким пустыням Китая». Но, как и любой художественный текст, она обобщает реальные исторические события, поэтому вполне естественно, что так много мнений, какие конкретно исторические события легли в ее основу.

О популярности песни в Маньчжурии свидетельствуют ее записи от русских,

уехавших в 1950-е гг. из Китая в Австралию, США и СССР.

Как минимум два варианта песни были зафиксированы И. Г. Чумаковым в с. Соляном Черлакского р-на Омской обл. в середине 1990-х гг. от исполнителей, родившихся в «поселках Трехреченского района» Китая. В жанровом отношении собиратель отнес ее к «историческим и военно-бытовым». Приводим текст по публикации, не отражающей диалектных особенностей, нотация Игоря Чумакова, редакция тактирования Л. П. Маховой (пример 3).

Пример 3

напев: ABCD

текст: АБВГ

1. По диким пустыням Китая
С тоской в наболевшей груди,
По милым семьям изнывая,
Взводами идут казаки.

2. День жаркий, во рту ни росинки
Песок да булыжник кругом.
Казаки, роняя слезинки,
Смущают друг друга тайком.

Омская область
Черлакский р-н
с. Соляное

Очень свободно ритмически

Сольный напев:

1. По ди - ким пус - ты - ням Ки - та - я

С тос - кой в на - бо - лев - шей гру - ди,

Реконструкция двухголосия (верхний подголосок частично напет И. В. Ушаковым):

По ми - лым семь - ям из - ны - ва - я,

Взва - да - ми и - дут ка - за - ки.

3. А впереди чуть мелькает
Полковник седой на коне.
Он горе людей понимает,
С досадою треплет усы.

4. Он прожил на свете немало.
Пора бы ему отдохнуть,
Но злая судьба предсказала
Остатки отряда вернуть.

5. Вот спрятался месяц за тучку,
И землю окутала тьма.
Повылезли гады из пепла,
В Россию коммуна пришла.

6. Повыгнали всех из станицы.
С дубинкою где ж воевать?
Пришлось нам к Амуру стремиться,
Пришлось нам в Китай отступать
[Чумаков 2006, 75–76, № 32].

Собиратель к этим 6 куплетам добавил еще 2, сделав пометку, что они записаны от И. В. Ушакова:

7. Казаки, и нам в том порука,
Мы помним Россию свою.
От деда до юного внука
Прославим Россию в бою.

8. Мы вновь у родного порога
И знаем, к нам слава придёт.
Мы верим в Россию и бога,
И в наш православный народ
[Чумаков 2006, 76].

В рукописи⁷ И. В. Ушакова эта песня помещена в первом разделе «Казачьи песни» под названием «Казак на чужбине». В папке мы нашли две копии (две страницы машинописи), обе носят следы работы составителя. Ушаковский текст имеет не 8 куплетов, а 7, при этом в первой копии перечеркнуты 5-й и 6-й куплеты, во второй — 5, 6 и 7-й (7-й в последнем случае обведен в овал — видимо, это означает, что куплет перечеркнут по ошибке). Таким образом, И. В. Ушаков, готовя рукопись к печати, посчитал

необходимым опубликовать только пять куплетов, их нумерация дана ручкой:

текст: АБВГ ВГ

1. (1). По диким пустыням Китая
С тоской в наболевшей груди,
По милым семьям изнывая, } 2 раза
Взводами идут казаки.

2. (2). День жаркий, воды нет⁸ росинки
Песок, да булыжник кругом.
Казаки, роняя слезинки, } 2 раза
Смущают друг друга тайком⁹

3. (3). А впереди чуть только мелькает
Полковник седой на коне.
Он молча тоску проклиная, } 2 раза
С досадою¹⁰ он треплет усы.

4. (4). Он прожил на свете не мало.
Пора бы ему отдохнуть,
Но злая судьба ему предсказала } 2 раза
Остатки отряда принять.

(5). Вот спряталось солнце за степью
Вот землю окутала тьма
Повержены враги в пепел, } 2 раза
Свобода в Россию пришла

Данный куплет перечеркнут.

На одной из копий добавочно зачеркнуты две последние строки и рядом дописано рукой:

Повылезли гады из пепла,
Свобода в Россию пришла.

Но эти строки также перечеркнуты.

6). Казаки! — нам в этом порука,
Мы помним Россию свою.
От деда до юного внука } 2 раза
Прославим Россию в бою!

Данный куплет перечеркнут.

На одной из копий добавочно зачеркнуты две первые строки и рядом дописано рукой:

⁷ Со сборником песен И. В. Ушакова один из авторов настоящей статьи познакомился еще в начале 1990-х гг. [Кляус 2015, 33]. Но возможность работать с ним появилась только недавно, когда папка с материалами Ивана Васильевича была ему передана новосибирским фольклористом В. В. Асановым.

⁸ Первоначально было «не», на «нет» исправлено ручкой.

⁹ Первоначально было «они», на «тайком» исправлено ручкой.

¹⁰ Первоначально было «досадой», буква «й» на «ю» исправлена ручкой

Повыгнали всех из станицы
Погнали их рать воевать
И осталася края родного
Красна тряпка да молот серпов } 2 раза

Но эти строки также перечеркнуты.

5. (7). Мы вновь у родного порога
И знаем, к нам слава придёт.
Мы верим в Россию и Бога,
И в наш православный народ } 2 раза
[Ушаков, рукопись].

И. Г. Чумаков, публикуя в сборнике два дополнительных куплета от Ивана Васильевича, скорее всего, слышал от него их изустно. Рукопись свидетельствует, что родившийся в Трехречье потомственный забайкальский казак творчески подошел к тексту песни, пытаясь сделать некий ее сводный вариант из семи куплетов, опираясь и на то, что он запомнил когда-то сам, слышал от других исполнителей, возможно, что-то добавляя от себя. В конечном итоге, И. В. Ушаков посчитал возможным оставить только пять куплетов, один из которых (пятый, последний) является уникальным для народных исполнителей, но присутствует в варианте, который распевает ансамбль «Казачий спас»¹¹ из г. Улан-Удэ. Вообще, возникает ощущение, что данный коллектив за основу своего варианта поэтического текста взял именно шесть куплетов из текста Ивана Васильевича, чуть переделав куплет № (5), сделав его более логичным, исходя из названия в рукописи И. В. Ушакова — «Казак на чужбине»:

Вот спряталось солнце за степью,
Всю землю окутала тьма.
Китайцы повержены в пепел.
В Россию вернуться пора
[Ансамбль «Казачий спас», г. Улан-Удэ].

Впрочем, возможно, у Ивана Васильевича и «Казачьего спаса» был какой-то общий источник. Приведенный пятый куплет в содержательном плане дает новую версию песни, но об этом ниже.

В 2015 г. еще вариант песни один из авторов данной статьи записал в г. Калачинске

Омской обл. от К. Л. и Г. И. Раменских. Ксения Леонидовна родилась и до замужества жила в Харбине, Георгий Иванович родился на ст. Якеши Китайско-Восточной железной дороги (в настоящее время Харбинская железная дорога), откуда молодая семья и приехала в 1954 г. «в Союз» (пример 4).

Пример 4

напев: ABCD
текст: ABVG

Раменская К. Л. декламирует текст:

1. Па дѣким пустыням Китая
С таскѡй, набалѣвшей в груди,

напевая:

Па милым семьям изнывая,

Раменский Г. И.:

Взвадѡми идут казаки.

2. День жаркий, нигде нет расѡнки,
Писѡк да булыжник кругом.
Казѡки, ранѡя слезинки,
Смуца[ют] друг друга тайком.

3. А там, впереди, чуть мелькаѡт
Палкѡвник седой на кане.
Он горя людеѡ панимѡет,
С дасѡдау треплет усы.

4. Иму вспаминаѡются годы,
И звуки лихих трубачей
Не раз он вадил их в пахѡды,
Свайѡх казаков-усачей
[Архив РГГУ 2015].

Орегонский и омские варианты по содержанию близки варианту Родионовых, все они объединены общим местом «исхода» — Маньчжурией: поселки Трехречья, КВЖД и Харбин.

Стоит указать еще на запись песни О. В. Гордиенко и Н. М. Савельевой, сделанную в 1979 г. от песенной группы из с. Шарагол Кяхтинского р-на Бурятии, находящегося в относительной близости от Маньчжурии (пример 5):

¹¹ Ансамбль «Казачий спас» (г. Улан-Удэ, пос. Аэропорт, ДК «Авиатор», рук. М. С. Гукасян). URL: dk-aviator.pf/o-nas/nashi-uslugi/usluga-2.html; <https://poiskm.co/show/казачий-спас> (дата обращения: 15.01.2018).

Пример 5

напев: ABCDCD

текст: АБВГ ВГ

1. Па диким пустыням *скитаясь*
С таскóй, набалéвшей в груди,
Па милым семья́м изнывая,
Взда́ми (й)идут казаки.
Па милым семья́м изнывая,
Взда́ми (й)идут казаки¹².

2. Идут ане́ *узкай трапінкэй*
Писóк да бульжнэй кругом.
Казаки раня́ют слезинки,
Смуца́я друг друга тайком.

3. А там, впереди, чуть сверка́ит
Тавара́ш седой каманди́р.
Он горя́ людей панима́(й)ит,
С дасáдай он треплет усы*
[НЦНМ МГК. И1872-03].

Окончание записано в экспедицион-
ный блокнот:

- Он прожил на свете немало,
Пора бы ему отдохнуть,
Но злая судьба предсказала
Остатки отряда принять
[НЦНМ МГК. РА. Ед. хр. 1222в. Блокнот
№ 2. Бурятская АССР, экспедиция 1979 г. Савел-
ьева Н. М., Гордиенко О. В. Л. 19, 190б].

¹² Далее структура строфы сохраняется.

* Окончание звучания фонограммы.

Республика Бурятия
Кяхтинский район
с. Шарагол

Запевает
Аносов И. Х. $\text{♩} = 220$

1. Па - ді - ким пус - ты - ням ски - та - ясь

В ритме вальса

С тас - кой, на - ба - лёв - шей в гру - ди.

Все: $\text{♩} = 55$ (*замедляя*) $\text{♩} = 50$

Аносов И. Х. Па ми - лым семь - ям из - ны - ва - я,

$\text{♩} = 65$ *с движением* $\text{♩} = 150$

Взва - да - ми (й)и - дут ка - за - ки.

$\text{♩} = 55$

Па ми - лым семь - ям из - ны - ва - я,

с движением $\text{♩} = 150$

Взва - да - ми (й)и - дут ка - за - ки.

Никаких указаний на то, что кто-то из исполнителей когда-либо жил в Китае, собиратели, к сожалению, не оставили, но близость Шарагола к российско-монгольской границе (до 1911 г. российско-китайской) позволяет с большой степенью вероятности предположить, что песня пришла «из-за кордона». Понятно, что в 1970-е гг., проживая в приграничной зоне, петь о Китае было опасно, поэтому исполнители название соседней страны творчески заменяли глаголом «скитаясь».

Интересно, что в оregonском варианте казаки стремятся в Приморье, в варианте из с. Соляного — к Амуру («Пришлось нам к Амуру стремиться»), а в сиднейском — к границе. Топография, видимо, отражает конкретную историю исполнителей. Вероятно, харбинский старообрядец Кирилл Петрович Куцев, от которого был записана песня в Орегоне, эмигрировал в Китай из Приморья. Для исполнителей из Сиднея и Соляного, чьи предки были из Забайкалья, Приморье не актуально, находится далеко, Амур или просто граница с Китаем (другой для них и не существовало) — намного ближе.

Как уже отмечалось выше, вариант И. В. Ушакова и, возможно, «произведенный» от него вариант ансамбля «Казачий спас» стоят особняком в содержательном отношении благодаря следующему куплету:

Из рукописи И. В. Ушакова

Вот спряталось солнце за степью,
Вот землю окутала тьма,
Повержены враги в пепел,
Свобода в Россию пришла.

Ансамбль «Казачий спас»

Вот спряталось солнце за степью,
Всю землю окутала тьма.
Китайцы повержены в пепел.
В Россию вернуться пора.

Из этого следует, что казаки воевали с каким-то врагом в Китае (И. В. Ушаков), и именно с китайцами («Казачий спас»). Наиболее известная военная компания против китайцев, в которой участвовали и казаки, — это подавление восстания ихэтуаней 1899–1901 гг. Получается, что песня отражает именно данный эпизод

в истории казачества. Но странным при этом выглядят строчки в варианте И. В. Ушакова, что когда враги (китайцы?) оказались поверженными, то «Свобода в Россию пришла». Возможно, что Иван Васильевич под врагами понимал всё же не китайцев, а, к примеру, красных. Тогда песня уже совсем о другом: о том, как казаки ушли в Китай, и для него, трехреченца, это было актуальным и значимым, а когда в 1991 г. прекратила свое существование советская власть, то и пришла в Россию настоящая Свобода, возрождается казачество, которое верит в «Россию и Бога, И в наш православный народ». Сам Иван Васильевич в свое время вступил в Сибирское казачье войско и имел чин есаула.

Мы видим, что буквально одно слово, один куплет способны поменять исторический контекст песни или приблизить ее к современности. Скорее всего, это всё же поздняя творческая переработка когда-то услышанной и усвоенной песни.

Исходя из синьцзянского происхождения песни, можно предположить, что ее до сих пор поют среди русских или потомков русских, живущих в Синьцзян-Уйгурском автономном р-не КНР. Но записей их песенного фольклора нам практически неизвестно, за исключением отдельных образцов. Тем не менее бытование песни «По диким пустыням Китая» было зафиксировано на приграничных с Синьцзяном российской и казахстанской территориях. К примеру, она дважды была записана В. М. Щуровым в Восточно-Казахстанской обл.: в казачьем селе Урыль Катон-Карагайского р-на (1978 г.) и в с. Урунхайка Куршимского р-на (экспедиция 1981 г.). К урунхайскому варианту мы вернемся позже, здесь же сначала охарактеризуем урыльский (пример б):

Пример 6

напев: ABCD

текст: АБАБ

1. Па дѣким пустыням Китая
С таскѡй, набалѣвшей в груди.
Па дѣким пустыням Китая
С таскѡй, набалѣвшей в груди¹³.
2. Унѣла семья (й)изнывает,
Взвадáми (й)идут казакѣи.

¹³ Далее структура строфы сохраняется.

3. День жаркий и нет ни расинки,
Кавыль да булыжник кругом.
4. Чекисты раняют слезинки,
Друг друга смущают тайком.
5. А там, впереди, чуть мелькает
Таварищ седой камандёр.
6. Он с горя людей понимает,
С дасáды он трéплит мундир.
7. Он прожил на свете нимáла,
Парá бы ему отдыхáть.
8. А злая судьба приказала
Астáтки бандитáв придáть
[НЦНМ МГК. И1771–19].

Здесь речь идет о казаках, но почему-то слезинки роняют *чекисты*, а *товарищу седому командиру* злая судьба приказала «остатки бандитов предать».

Фамилии исполнителей — Кубышкина, Еремина, Сгибнева. Собиратель ничего не указал относительно их биографии, видимо, просто не спрашивал, но достоверно известно, что в этом селе жили русские, приехавшие из Китая, что, в общем, не удивительно, так как Катон-Карагайский р-н находится на самой границе с Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР) КНР. К этой записи есть весьма интересный комментарий собирателя: «Привезли полевые части в конце [19]20-х годов»¹⁴, о чем, видимо, сообщили исполнители. Но что это были за части? В 1920-х гг. это могли быть и белые, и красные, но

Республика Казахстан
Катон-Карагайский район
с. Урьль

Одна женщина: $\text{♩} = 250$

1. Па дй - ким пус - ты - ням Ки - та - я

$\text{♩} = 200$

С тас - кой, на - ба - лёв - шай в гру - ди.

Все: $\text{♩} = 55$

Па дй - ким пус - ты - ням Ки - та - я - (а-а)

Сгибнев П. П.

(и) ...ким

$\text{♩} = 65$ $\text{♩} = 130$ *с движением*

С тас - кой, на - ба - лёв - шей в гру - ди.

¹⁴ НЦНМ МГК. РА. Ед. хр. 1187. Тетр. № 1 (чистовик). Казахская ССР, лето 1978 г. Щуров [В. М.]. С. 26.

упоминание *чекистов* указывает на последних. При этом они были как-то связаны с Китаем, вели боевые действия на его территории. Части Красной армии в 1921–1922 гг. с согласия правительства Синьцзянской провинции в союзе с китайскими войсками действительно участвовали в боевых операциях против белогвардейских подразделений генерала А. С. Бакича и других руководителей Белого движения, ушедших за границу [Наземцева 2010, 45–71].

В 2004 г. в с. Сибирячиха Солонешенского р-на Алтайского края авторами настоящей статьи была записана песня с неожиданным зачином: «Красивые горы Алтая» (*пример 7*):

Пример 7

напев: ABCD¹D²
 текст : АБАБ Б

1. Красивые горы Алтая
 С таскóй, набалéвшей в груди.
 Красивые горы Алтая
 С таскóй, набалéвшей в груди,
 С таскóй, набалéвшей в груди¹⁵.
2. День жаркий, где нет ни расинки, —
 Кавыль да булыжник кругом.
3. Кубанцы раняют слезинки,
 Друг друга смущают тайком.
4. А там, впереди, чуть блистает
 Таварищ седой камандёр.
5. Он прожил на свети нимáла, —
 Парá бы ему отдыхáть.
6. Савéтская власть приказала
 Астáтки бандитав сабрáть.
7. Астáтки бандитав сабрáли, —
 Астáлись в Аргúте, в щелях
 [Архив ИМЛИ 2004;
 НЦНМ МГК: И5475–26 (скользящий
 микрофон), 5219–04 (общий канал)].

Командир у этих «кубанцев» тоже «товарищ седой», и ему «остатки бандитов» приказала «собрать» «советская власть», причем собирает он их «в Аргуте, в щелях» (Аргут — правый приток

р. Катунь). Ни о каких «китайцах», т.е. о русских, приехавших из Китая, в Сибирячихе мы не слышали. Более того, исполнители «Красивых гор Алтая» — потомки старообрядцев-«поляков», которые, как и семейские, на Алтае в середине XVIII в. оказались благодаря Екатерине II, переселившей их с Ветки и Стародубья. Сибирячиха, конечно, подальше от границы с Китаем, чем Урьль и Урунхайка, но тоже по сибирским меркам почти рядом — всего лишь 500 км по прямой.

В сибирячихинском тексте есть странности и смысловые противоречия. Советский отряд «кубанцев» идет *собирать* бандитов, хотя ожидаемо было бы сказать — уничтожать. Как следует из последних строк, вроде бы они это и делают: «Остатки бандитов собрали, / Остались в Аргуте, в щелях». Кто же остался (погиб)? То ли «бандиты», то ли «кубанцы», не совсем ясно, но, скорее всего, «бандиты».

Исполнители связывали песню с местной историей: в 5 км от села отряд партизан под командованием Матвея Назарова 3 октября 1919 г. казнил более ста пленных белых казаков Чарышской станицы, которых он должен был отконвоировать в штаб степной партизанской армии (см.: [Трагедия 2010]). Но топономика, упоминаемая в песне, — горы Алтая, ущелья р. Аргут (Карагемский прорыв, одно из самых труднопроходимых ущелий Горного Алтая, по дну которого течет река) — указывает на то, что данный вариант был принесен со стороны и, скорее всего, бойцом ЧОНа (части особого назначения), который принимал участие в разгроме белых частей. Так называемая Аргутская операция 1922 г. была последней наиболее крупной, после которой фактически было подавлено сопротивление «белобандитов». В книге В. Л. Кротова «Чоновцы» приведено замечательное воззвание к чоновцам Ойротского обкома партии и уездного совещания секретарей волостных партийных комитетов от 10 августа 1922 г.: «Ойротская областная организация РКП уверена, что, несмотря на невероятные трудности и лишения, наши красные отряды <...> уничтожат бандитскую гидру и победный

¹⁵ Далее структура строфы сохраняется.

Алтайский край
Солонешенский район
с. Сибирячиха

1-ю строфу
запевает
Дударева М. С.

Одна ♩ = 172

1. Кра - си - вы - е го - ры Ал - та - я

С тас - кой, на - ба - лёв - шей в гру - ди.

Верхний подголосок тянет Соловьёва А. П.

Все:

Кра - си - вы - е го - ры Ал - та - я

С тас - кой, на - ба - лёв - шей в гру - ди,

Самый низкий звук

С тас - кой, на - ба - лёв - шей в гру - ди.

Вар.:

2-ю строфу
запевает
Осипова П. Ф.

2. День жар - кий, где нет ни ра - сін - ки, —

Ка - вьіль, да бу - лыж - ник кру - гом.

клич разнесется по диким аргутским ущельям» [Кротов 1974, 76]. Учитывая, что крестьяне Сибирячихи были «за красных», этим бойцом ЧОНа мог быть и сибирячихинский уроженец.

В урьльском тексте странностей не меньше: плачущие чекисты, казаки = чекисты, чекисты-казаки должны предать бандитов. Последнее вообще бессмыслица, если только не предположить невозможное: чекисты оплакивают белых казаков, которых должны убить.

Отмеченные противоречия указывают, что сибирячихинский и урьльский варианты — это творческая переделка песни бойцами РККА и ЧОНа, которую они услышали от своих противников, белых казаков, ушедших в 1920-е гг. в Синьцзян, воюя с ними на территории Китая и Алтая, когда те переходили на советскую сторону.

Совершенно особняком от всех «маньчжурских» и «алтайских» вариантов стоит песня из с. Урунхайка Куршимского р-на Восточно-Казахстанской обл., записанная студенткой (объявляет название песни перед пением) Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных (далее — ГМПИ, ныне РАМ им. Гнесиных)¹⁶ в летней экспедиции 1981 г. под руководством научного руководителя Лаборатории народной музыки (ныне профессора) Московской консерватории В. М. Щурова (пример 8):

Пример 8

напев: CD + CD
текст: АБ + ВГ

1. Па діким пустыням Китая
С таской, набалёвшей в груди.
2. День жаркий, вады ни расінки,
Кавьіль, да булыжник кругом.
3. Ленива сгибают калёни,
Две клячи телегу везут.
4. Идут ані с бритыми лбами,
Шагают вперёд тижало:
5. «Такая нам, братцы, невзгода, —
Написана нам на радў.
6. Затяним-те, братцы, мы песню,
Забўдим лихую беду!»
7. А там впереди, чуть виднеёт
Таварищ седой камандір.
8. Он прожил на свете нема́ла, —
Пара бы ему́ а́тдахну́ть
[МЭЦ РАМ: 1718–03].

В этом варианте обращают на себя внимание тюремные мотивы — ни о каких казаках речи не идет, герои песни идут с бритыми лбами. Текст контаминирован

¹⁶ Из «Отчета В. М. Щурова об экспедиции в Восточно-Казахстанскую обл. в июле 1981 г.» известно: «Наряду со студентами Московской консерватории в экспедиции принимали участие студенты ГМПИ им. Гнесиных, с отделения по подготовке руководителей народных хоров, а также студентка Алма-Атинской консерватории, приглашенная в помощь москвичам, плохо владеющим казахским языком. Всего в экспедиции принимало участие десять человек; руководитель (Щуров В. М.), студенты-теоретики и композиторы Московской консерватории: С. Коржавин, В. Цыпин, Е. Морощкин, О. Громава, Г. Шойынбекова, Л. Копбаева; студентки ГМПИ им. Гнесиных: И. Яндальская и Т. Репетюк, студентка из Алма-Аты — А. Уакбаева. В процессе работы происходило подвижное деление экспедиционной группы на рабочие подгруппы по 2–3–4 человека» [ИЦНМ МГК. РА. Ед. хр. 1288. Л. 1].

с популярной песней на стихи А. К. Толстого «Колодники» (1854?), в которой есть такие слова (2–4 строфы):

Идут они с бритыми лбами,
Шагая вперѣд тяжело,
Урюмые свинуты брови,
На сердце раздумье легко.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибают колени,
Конвойные рядом идут.

«Что, братцы, затынемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»
(Цит. по: [Гусев 1988, т. 2, 97]).

Как видим, в урунхайском варианте вообще не говорится ни о каких служивых людях. Речь идет о каторжниках, и эти строки заимствованы из стихотворения А. К. Толстого «Колодники», имевшего большую популярность среди революционеров (в песенниках текст встречается с начала XX в.). И здесь возникает вопрос: данная «контаминация» — это позднее явление или она, наоборот, отражает какой-то эволюционно более

ранний этап бытования текста? Между обеими песнями есть совпадение, которое может быть неслучайным: соединение сюжетных ситуаций: «Герои идут по пустынной местности» и «Герои начинают петь песню».

Сиднейский вариант

1. Па дѣким пустыням Китая
С таской, набалѣвшей в груди,
Па милым семьям изнывая,
Взводами идут казаки.

10. «Но что же, друзья, с-приуныли?
Бог даст же — вернемся дамой!
Затягивай песню лихую!...» —
Сказавши, махнул он рукой.

«Колодники» (А. К. Толстой)

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —
Колодников звонкие цепи
Взметають дорожную пыль.

<...>

«Что, братцы, затынемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»

В пользу данной гипотезы может выступать и следующее наблюдение: из второго

названия песни (по ее первой строке) — «Спускается солнце за степи...», у исполнителей не могли не возникать ассоциации с другой песней тюремной тематики — «По диким степям Забайкалья», в которой сюжетная ситуация первого куплета и его начальная строка однозначно были прототипами первого куплета и начальной строки «По диким пустынями Китая». Теоретически нельзя исключать, что урунхайская запись — действительно своеобразный вариант «Колодников», который позднее был переделан в казачью песню-хронику, но, скорее всего, это общее место для русской песенной поэзии XIX — начала XX в. о Сибири.

Влюбом случае урунхайский, урыльский и сибирячихинский варианты подтверждают, что песня была создана в 1920-е гг. в Синьцзяне кем-то из казаков, который воевал на стороне Белого движения и ушел в Китай. Скорее всего, это был образованный офицер. Историки свидетельствуют, что из Синьцзяна многие из эмигрировавших туда русских потом разъезжались в другие уголки Китая, в том числе в Маньчжурию [Наземцева 2010, 34, 91]. Они-то и принесли туда песню.

Особенности композиционного строения исследуемой песни связаны с культурой мужского ансамблевого пения. К ним

относится выделенный *сольный зачин декламационного характера*, занимающий две строки музыкально-поэтической строфы и исполняемый в более быстром темпе, чем следующий за ним *ансамблевый подхват* (примеры 1,5,6,7).

Смена счетной единицы внутри строфы (с восьмой в сольном запеве на четверть в ансамблевом подхвате)¹⁷ является стилистическим приемом русской протяжной песенности.

Запеваёт один из нижних голосов — «басит» (с. Сибирячиха, Алтайский край), «поёт басом» (с. Урыль, Республика Казахстан). Подчеркивая *сольный зачин* песни, И. Г. Чумаков выписывает его без пауз в другом голосе (пример 2), этот же принцип использован для нотаций других вариантов напева.

В с. Шарагол (Бурятия) запев исполняется в триольном ритме вальса, которое особенно ярко проявляется во второй строке (пример 5).

Вальсовость (триольность) в запеве сохраняет и ансамбль «Казачий спас», нарушая при этом традиционное разделение песенной строфы, состоящей из минимум 4-х песенных строк (обозначены латинскими буквами — ABCD), на *сольный выделенный зачин* (две первые строки — AB) и *ансамблевый подхват* (3-я и 4-я строки — CD):

ансамбль «Казачий Спас»

Один мужчина:

1. По ди - ким пус - ты - ням Ки - та - я

Одна женщина:

С тос - кой, на - бо - лев - шей в гру - ди.

Мужчины, вдвоём:

Далее вступают все мужчины и женщины.

[URL: <https://poiskm.co/show/казачий-спас>]

Кроме того, ансамбль исполняет песню в «мужской» низкой тональности (до минор), что приводит к тому, что женские голоса удваивают партию мужчин

на октаву выше. В триольности запева проявляется влияние эстрадного (более позднего, чем народный) варианта напева песни «По диким степям Забайкалья»:

«По диким степям Забайкалья»

(эстрадный вариант напева)

Не скоро

1. По ди - ким сте - пям За - бай - каль - я,
Где зо - ло - то ро - ют в го - рах,

В организации музыкально-поэтической строфы ведущая роль принадлежит музыкальным средствам формообразования. Песенная строфа состоит из 4-х мелодических строк в напевах из с. Соляного Черлакского р-на Омской обл. (пример 3), г. Калачинск (Калачинского р-на) Омской обл. (пример 4) и с. Урьль Республики Казахстан (южная часть Алтая, пример 6). Отличия в композиции песенного текста проявляются в с. Урьль — ансамбль повторяет текст, сказанный запевалой (АБАБ), в омских вариантах сказывание сюжета песни происходит быстрее (АБВГ):

Урьльский вариант

напев: АВСД
текст: АБАБ

Омские варианты

напев: АВСД
текст: АБВГ

В песенной строфе забайкальских казаков не добавляются новые музыкальные фразы, лишь повторяются мелодические обороты ансамблевой части напева (на двух последних строках строфы):

напев: АВ ||: CD :||
текст: АВ ||: ВГ :||

Песенную форму забайкальской строфы сохраняют потомки забайкальских казаков

в Австралии (пример 1) и харбинцев, уехавший из Китая в США (пример 2). Та же форма строфы сохранилась в с. Шарагол Кяхтинского р-на Республики Бурятия (пример 5).

Алтайские варианты демонстрируют иные формы песенной строфы. В с. Сибирячиха ведущая роль музыкальных средств формообразования проявляется в другом виде повтора (пример 7):

напев: ABCD'D²
текст: АБАБ Б

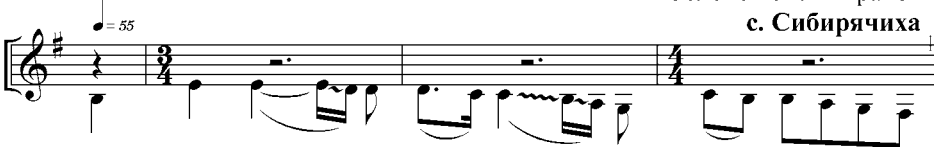
Известно, что иногда народные исполнители могут исполнять песню, по их комментариям, «короче», «без повторов», «скорей». В таком случае сокращается сольный запев, исполняется самая главная, с точки зрения носителей традиции, ансамблевая часть напева (С и D). Так, напоминающая песню подругам, ее запела В.Л. Чернакова в с. Сибирячиха, сразу исполнив мелодию с 3-й строки (мелодическая линия С):

напев: CD
текст: АБ

Василису Лукитичну подруги тут же остановили возгласом: «Нет! Ты не так запеваешь!», сочтя такое исполнение неполным. И предложили спеть версию напева «сначала», несколько раз исполнив сольный запев с продолжением. После подобной «репетиции»-воспоминания и состоялась запись песни (пример 7).

Запев Чернаковой В. Л.

Алтайский край
Солонешенский район
с. Сибирячиха

Кра - си - вы - е го - ры Ал - та - я

В с. Урунхайка Республики Казахстан (экспедиция лета 1981 г. под руководством В. М. Шурова) запись вели студенты Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных. Впервые оказался в фольклорной экспедиции, они, к сожалению, не отреагировали на *краткую версию напева* и не спросили единственную исполнительницу, как на самом деле должна звучать песня. Так или иначе, мы имеем запись песни без мелодической линии сольного запева — АВ напева (пример 8).

Именно ансамблевое звучание с места хорового подхвата является, по мнению народных исполнителей, «лицом песни». Такую же форму имеет напев, записанный от Н. Т. Казаковой в с. Урунхайка. Приведем последовательность двух песенных строф (пример 8):

$$\frac{\text{напев: CD} + \text{CD}}{\text{текст: AB} + \text{BГ}}$$

По составу исполнителей варианты записей песни можно разделить на сольные (мужские и женскую) и ансамблевые (два смешанных ансамбля и австралийский мужской). Мужские напевы звучат преимущественно в минорных тональностях

с опорной тоникой *си, до и до-диез*. Смешанные и женский ансамбли, а также женщина соло исполняют напев на кварту выше — тоники *ми, фа и фа-диез*. Напевы из с. Шарагол (Бурятия) и казачьего села Урыль (Казахстан) являются переходными между мужскими и женскими вариантами, но исполняются смешанным ансамблем на удобной для пения женщин высоте.

В момент вступления ансамбля традиционное голосоведение русско-сибирского склада предполагает размещение основной массы звучащих голосов в партии нижнего (ведущего) голоса с одновременным выделением колористической функции верхнего голоса — «подголósка». «Подголósник» — тот, кто «тянет», «вытягáет на голос» (с. Сибирячиха), «голóсит» (с. Урыль) партию верхнего голоса. В традиционном ансамбле эту партию исполняет один (!) человек. Покажем разделение голосов на примере смешанного ансамбля, в котором запевалой является мужчина и собирателями зафиксировано разделение функций голосов исполнителей: запевает единственный в ансамбле мужчина — И. Х. Аносов, а «тянет верх» Т. И. Максимова:

Республика Бурятия
Кяхтинский район
с. Шарагол

Запевает
Аносов И. Х.

Музыка
♩ = 220

1. Па д́и - ким пус - ты - ням ски - та - ясь
С тас - кой, на - ба - лев - шей в гру - ди.

Музыка
♩ = 55 (замедляя)

Максимова Т. И.
«тянет верх»

Ануфриева Г. И.,
Аносова Е. И.,
Аносова П. Н.

Аносов И. Х.
(запевала)

...ми - лым семь - ям из - ны - ва - я,
Па ми - лым семь - ям из - ны - ва - я,

Возможно, «экономная» запись нотного текста, часто встречающаяся в песенных сборниках, когда партия верхнего подголоска выписывается на одной нотной строке вместе с нижним голосом, привела к искажению традиционного звучания народной сибирской песни. В сценических хоровых и ансамблевых коллективах деление голосов происходит «по партиям» и верхний подголосок исполняют, к сожалению, все сопрано ансамбля или хора (см. выше фрагмент напева ансамбля «Казачий спас»).

Верхний подголосок порой исполняется в терцию с основным нижним голосом (пример 6, строка 3).

С культурой мужского ансамблевого пения связаны:

1) своеобразная остановка на долгих нотах в конце мелодических фраз, соответствующих стиху поэтического текста и «раскачивание» метроритма в кадансирующих оборотах формы (примеры 1 и 5, строки 4 и 6 — предпоследние такты исполняются с движением; также см. пример 8).

Раскачивание метроритма также подчеркивается сменой слогоноты с четверти на восьмую:

2) форма заключительного каданса, подготавливающего согласованный выход голосов на конечный опорный тон в октаву. Мужчины, быстрее осваивающие «новинки» музыкального языка, используют в кадансе ход баса от неустойчивой доминанты (D) к устойчивой тонике (T), более характерный для разрешения доминантсептаккорда (D₇), при этом терция (мажорная или минорная¹⁸) в аккорде отсутствует — см. пример 5 (с. Шапагол) и пример 6 (с. Урьль). В с. Урьль такой ход баса мужчина исполняет только в 1-й строфе, а со 2-й и далее Петр Павлович Сгибнев поет вместе с женщинами (см. вариант голосоведения в примере 6):

Республика Казахстан
Катон-Карагайский район
с. Урьль

Интересно, что в сплоченном ансамбле братьев Родионовых и С. М. Бойкова доминантсептаккорд имеет мажорную терцию (D₇ в гармоническом миноре) и еще

два положенных звука (квинту и септиму), но «потерял» свой «бас» — тон V ступени (пример 1, строка 6):

¹⁸ Иногда используется минорная доминанта.

Взва - да - ми (й)и - дут ка - за - ки.

потерянный
«бас»
D7 → Г

Наиболее богатую фактуру голосов в женском ансамбле демонстрирует запись песни с вариантом 1-й строки «Красивые горы Алтая» из с. Сибирячиха Алтайского края (пример 7). Ансамбль, несмотря на исключительно женский состав, сохраняет очень низкую tessitura звучания в тональности ми минор. Звук *re* малой октавы (обведен в 3-ей строке) — высота предельно низкая для диапазона женского голоса. Ход V — I ступени не используется, так как V ступень была бы *си* (H) *большой октавы*, что выходит за пределы диапазона женского голоса.

В сибирячихинском варианте напева мы впервые видим интервал сексты между верхним и нижним голосами, терцовая втора при этом сохраняется (пример 7, строка 4).

В исполнении казаков Посольской Австралийской станицы (Сидней) тради-

ционное движение терцовой вторы над нижним голосом может переворачиваться на октаву вниз — мелодическая линия верхнего голоса не пропадает, но исполняется на сексту ниже основного голоса (пример 1, строка 3), чему способствует широкий певческий диапазон мужских голосов. То, что это именно линия верхнего подголоска, показывает повторное исполнение этой мелодической фразы напева внутри одной музыкально-поэтической строфы. Линия верхнего голоса дублируется в октаву (пример 1, строка 5).

Среди мелодических оборотов особого внимания заслуживает поступенное нисходящее в кварте движение нижнего голоса, подготавливающее заключительный каданс. Именно в этом месте казаки Посольской Австралийской станицы традиционное голосоведение делают богаче — могут звучать параллельные секстаккорды:

Традиционное голосоведение:

Взва - да - ми (й)и - дут ка - за - ки.

с движением

Обычно исполняется:

Взва - да - ми (й)и - дут ка - за - ки.

Варианты:

Песня «По диким пустыням Китая» в исполнении братьев Родионовых, казаков-старообрядцев Посольской Австралийской станицы — одно из наиболее ярких проявлений художественного мышления сплоченного мужского певческого коллектива. Хорошая сохранность песенной традиции обусловлена возможностями мужского ансамблевого пения, а именно: обладание широким певческим диапазоном с характерной окраской голосов нижнего и верхнего регистров, выразительность многоголосной фактуры, умелое использование подголосков и ладового развития напева.

Историко-культурные, социальные, политические обстоятельства жизни эмигрировавших в Китай забайкальцев фактически законсервировали до 1960-х гг. казачий уклад, традиционный для этих природных условий русский тип хозяйствования и быта в организованных ими в 1920-х гг. станицах Драгоценка и Наджи-Булак, в поселках КВЖД в Северо-Западной Маньчжурии. Это позволило поколению

забайкальских эмигрантов 1930–1940-х гг. рождения естественным образом перенять от старших песенную и танцевальную культуру, обрядовые традиции.

Народная песня для русских австралийцев, звучавшая во время семейных застолий, оказалась важным фактором их единения на чужбине. Глубоко эмоциональная, раскрывающая сложные чувства любви к России и гордости за ее воинскую славу, казачья песня является вершиной творческого мастерства забайкальцев. Сочиненная кем-то из ушедших в Сибирь сибирских казаков, песня «По диким пустыням Китая», оказавшись в Маньчжурии, в Трехречье, попала на благодатную почву забайкальской песенной казачьей традиции. И трехреченцам, которые молодыми уехали в 1960-е гг. в Австралию, сегодня она напоминает не только о родине их предков, но и об их малой родине — Китае, а потому песня была и остается наиболее любимой и знаковой, помогая осмыслить и пережить трагические события 1917 г. и Гражданской войны.

Комментарии к нотным публикациям

Пример 1. Зап. от казаков Посольской Австралийской станицы Кузмы Ильича (запевала), Романа Ефимовича и Николая Федоровича Родионовых, Семена Михайловича Бойкова, г. Сидней, Австралия. Соб. В. Л. Кляус. 2015 г. [Архив ИМЛИ]. Варианты голосоведения дополнены по записи: [Полуполтинных 2012].

Пример 2. По диким пустыням Китая (04:49, растяжная проголосная песня). Зап. от харбинца Кирилла Петровича Куцева, 1942 г.р., г. Вудберн (Woodburn), штат Орегон, США. 1990-е гг. Соб. Е. Н. Розумовская [CDMAN450–11, № 23].

Пример 3. Зап. в с. Соляное, Черлакский р-н, Омская обл. Соб. И. Г. Чумаков. Нотация Игоря Чумакова. Верхний подголосок реконструирован по записи от И. В. Ушакова [Чумаков 2006, 75–76, № 32]. Редакция тактирования Л. П. Маховой.

Пример 4. Зап. от Георгия Ивановича Раменского, 1934 г. р. (урож. ст. Якеши Китайско-восточной железной дороги, ныне Харбинская железная дорога) и Ксении Леонидовны Раменской, 1935 г. р. (урожд. Шиманской); с 1954 г., Калачинск, Калачинский р-н, Омская обл. Соб. В. Л. Кляус. 2015 г. [Архив РГГУ].

Пример 5. «По диким пустыням скитаясь». Зап. от Ильи Харлампиевича Аносова, 1914 г. р., Татьяны Ильиничны Максимовой, 1915 г. р. («тянет верх», т.е. исполняет партию верхнего подголоска), Галины Ильиничны Ануфрие-

вой, 1932 г. р., Екатерины Ивановны Аносовой, 1918 г. р., Пелагеи Николаевны Аносовой, 1924 г. р., с. Шарагол, Кяхтинский р-н, Республика Бурятия. Соб. О. В. Гордиенко, Н. М. Савельева. 1979 г. [НЦНМ МГК. И1872–03]. Окончание текста: [НЦНМ МГК. РА. Ед. хр. 1222в. Блокнот № 2. Л. 19, 190б].

Пример 6. Зап. от Анисьи Павловны Кубышкиной, 1910 г. р., Феклы Павловны Ерёминой, 1904 г. р., Петра Павловича Сгибнева, 1904 г. р., Клавдии Савельевны Сгибневой, 1912 г. р., с. Урыль, Катон-Карагайский р-н, Республика Казахстан. Соб. В. М. Щуров. Лето 1978 г. [НЦНМ МГК. И1711–19; РА. Ед. хр. 1187. Тетрадь № 1. С. 26]. Ранее опубликовано в нотации автора записи: [Щуров 2009, № 71, 131 (ноты), 202–203 (текст)], с комментариями: «лирическая казачья». Аудиозапись: [CD б.н., 2009, № 25].

Пример 7. «Красивые горы Алтая». Зап. от старообрядцев-«поляков» (единоверцев): Матрены Сафроновны Дударевой, 1927 г. р. (запевает 1-ю строфу), Пелагеи Феокистовны Осиповой, 1915 г. р. (запевает со 2-й строфы до конца), Прасковьи Ильиничны Стрельцовой, 1926 г. р., Василисы Лукичичны Чернаковой, 1937 г. р., Александры Павловны Соловьевой, 1933 г. р. (тянет верхний подголосок) и приезжей с Украины Надежды Тимофеевны Давыдовой, 1939 г. р. (не старообрядка), с. Сибирячиха Солонешенский р-н, Алтайский край. Соб. В. Л. Кляус, Л. П. Махова, А. С. Обухов,

М. Левит. 2004 г. (аудио- и видеозапись) [Архив ИМЛИ 2004; ИЦНМ МГК: И5475–26 (скользящий микрофон), 5219–04 (общий канал)].

Пример 8. Зап. от Надежды Тихоновны Казаковой (урожд. Незенцевой), 1944 г. р., с. Урунхайка, Курчумский (Куршимский) р-н, Республика Казахстан. Соб. И. Яндульская или Т. Рептюк. 1981 г. [МЭЦ РАМ: 1718–03].

Все нотации, кроме примера 3, выполнены Л. П. Маховой.

Источники и материалы

Анненковцы 1975 — Анненковцы // Первопознание. 1975. Приложение к № 27–28. С. 10–11.

Архив ИМЛИ — Фольклорная коллекция Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

Архив РГГУ — Архив полевых исследований Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета.

Булавин 1930 — Булавин Е. О станице и кургане // Вольное казачество (Прага). 25 октября 1930 г. № 67. С. 22–23.

Гусев 1988 — Песни русских поэтов: Сб.: В 2 т. / Вступ. ст., биогр. справки, сост., подгот. текстов и прим. В. Е. Гусева. Л., 1988 (Б-ка поэта: Большая сер.).

Красноусов 1958 — Красноусов Е. М. 2-я батарея 1-го Сибирского казачьего конно-артиллерийского дивизиона. Брисбен, 1958.

Кротов 1974 — Кротов В. Л. Чоювцы. М., 1974.

МЭЦ РАМ — Архив Музыкально-этнографического центра им. Е. В. Гиппиуса Российской академии музыки им. Гнесиных.

Надеждин 1956 — Надеждин М. На окраинах русской великой земли // Добровolec. № 45 (1956). С. 9.

ИЦНМ МГК — Архив Научного центра народной музыки им. К. В. Квитки Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского.

Полуполтинных 2012 — Песни белой эмиграции. По диким пустыням Китая... Запись А. Полуполтинных. 2012. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PvVrKpBgTeU> (дата публикации: 28 сент. 2015 г.; дата обращения: 15.01.2018).

Трагедия 2010 — Трагедия Бийского уезда // Переключка: Электронный журнал рус-

ского обще-воинского союза. URL: <https://pereklichka.livejournal.com/62349.html/> (дата обращения: 22.08.2018).

Ушаков — Ушаков И. В. Сборник казачьих песен и народных лирических фольклора 17–18–19–20 веков, рукопись.

Чумаков 2006 — Чумаков И. Г. Слава вам, братцы! Песни казаков Забайкалья, записанные в Омской обл. Омск, 2006.

Щуров 2009 — Щуров В. М. Русские песни Алтайского Беловодья. М., 2009.

CDMAN450–11 — CDMAN450–11. Русские староверы из штата Орегон (США) Записи 1990-х гг. / Авт. записей и сост. Е. Н. Розумовская: 2 CD. CD2: Мирские песни. СПб., 2011.

CD б.н. 2009 — Русские песни Алтайского Беловодья (№ 1–31). Аудиоприложение к нотному сборнику песен: Щуров В. М. Русские песни Алтайского Беловодья. М., 2009.

Исследования

Аргудяева 2016 — Аргудяева Ю. В. Русские казаки в Трехречье (первая половина XX в.). Благовещенск, 2016.

Забияко 2017 — Забияко А. П., Забияко А. А. Русские Трехречья: основы этнической самобытности. Новосибирск, 2017.

Кляус 2015 — Кляус В. Л. Русское Трехречье Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015.

Кляус, Махова 2018 — Кляус В. Л., Махова Л. П. Танцевальная культура Приаргунья (пляски под наигрыши «Подгорная» и «Сербиянка») // Фольклор: Традиция и эксперимент. М., 2018. С. 309–373.

Наземцева 2010 — Наземцева Е. Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930 гг.). Барнаул, 2010.

Тарасов 2003 — Тарасов А. П. Забайкалье и Китай. Опыт анализа международных связей. Чита, 2003.

Шулдяков 2004 — Шульдяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1920–1922. Кн. 2. М., 2004.

Шулдяков 2006 — Шульдяков В. А. Сотник Е. М. Красноусов и его книга «2-я батарея...» // Седьмые Макушинские чтения: Матер. науч. конф. (16–17 мая 2006 г., г. Красноярск). Новосибирск, 2006. С. 168–172.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кляус В. Л. <https://orcid.org/0000-0002-8147-3090>

Доктор филологических наук, заведующий отделом фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069, г. Москва, Поварская ул., д. 25а; тел.: +7 (495) 690-50-30; e-mail: v.klyaus@mail.ru

Махова Л. П. <https://orcid.org/0000-0002-9105-958X>

Научный сотрудник Научного центра народной музыки им. К. В. Квитки Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского: Российская Федерация, 125009, г. Москва, ул. Б. Никитская, д. 13/6; тел.: +7 (495) 629-67-11; e-mail: maxoba@mail.ru

“THROUGHOUT THE WILD DESERTS OF CHINA” — THE SONG IN THE REPERTOIRE OF TRANSBAIKALIA COSSACKS OF AUSTRALIA: TO THE HISTORY OF TEXT AND MELOS

VLADIMIR L. KLYAUS

(A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences:
25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation)

LYUDMILA P. MAKHOVA

(Tchaikovsky Moscow State Conservatory:
13–6, Bolshaya Nikitskaya str., Moscow, 125009, Russian Federation)

Summary. *This paper deals with the history of a Cossack song “Throughout the wild deserts of China”. The authors have recorded oral variants themselves and identified several recordings and publications — done in Altai, Omsk region, Buryatia of Russia and in Kazakhstan, Australia and the USA abroad. Creation of the song is associated with the flight of the Cossacks, who participated in the Civil war on the side of the White movement, to China. The authors demonstrate variation of its content depending on the historical context the performers of the song came across and lived in. For the first time, musical notation of available audio recordings, including those published on audio CD, was carried out. Analysis of the specific voice leading in solo singing, as well as in the variants recorded from single performers with elements of reconstruction of two-voice texture, male, female and two gender-mixed ensembles, leads to the conclusion that it is the male ensemble of the descendants of Transbaikalia Cossacks in Sydney (Australia) demonstrates the most interesting development of multi-voice melodic texture of the song.*

For Russian Australians folk song has functioned an important factor for their consolidation in an alien land. A deeply emotional Cossack song is a top manifestation of creative skills of the Transbaikalia natives. Composed by one of the Siberian Cossacks who had fled to Xinjiang, the song “Throughout the wild deserts of China” landed in Manchuria, in the Trekhrechie, the inter-fluue of three rivers, and inseminated the fertile soil of the Transbaikalia Cossack tradition. For natives of the Trekhrechie, who had immigrated to Australia, it recalls not only about the great homeland of their ancestors, but of their minor homeland in China.

Key words: *Cossack song folklore, traditional voice leading in Siberian song traditions, Transbaikalia Cossacks of Australia.*

References

Argudyaeva Yu. V. (2016) *Russkie kazaki v Trekhrechie (pervaya polovina XX v.)* [Russian Cossacks at Trekhrechie (the first half of the 20th century)]. Blagoveshchensk. In Russian.

Klyaus V. L. (2015) *Russkoe Trekhrech'e Manchzhurii. Ocherki fol'klora i traditsionnoy kul'tury* [Russian Trekhrechie of Manchuria. Essays on folklore and traditional culture]. Moscow. In Russian.

Klyaus V. L., Makhova L. P. (2018) *Tantseval'naya kul'tura Priargun'ya (plyaski pod nairgryshi “Podgornaya” i “Serbiyanka”)* [Dance culture in the Argun river region (dancing to the tunes of “Podgornaya” and “Serbiyanka”)]. In: *Fol'klor: Traditsiya i eksperiment* [Folklore: Tradition and experiment]. Moscow. Pp. 309–373. In Russian.

Nazemtseva E. N. (2010) *Russkaya emigratsiya v Sin'tszyane (1920–1930 gg.)* [Russian emigres in Xinjiang (the 1920s — the 1930s)]. Barnaul. In Russian.

Shuldyakov V. A. (2004) *Gibel' Sibirskogo kazach'ego voyska* [Perdition of the Siberian Cossack troops]. 1920–1922. Book 2. Moscow. In Russian.

Shuldyakov V. A. (2006) *Sotnik E. M. Krasnousov i ego kniga «2-ya batareya...»* [Centurion E. M. Krasnousov and his book “The 2nd battery”]. In: *Sed'mye Makushinskie chteniya* [The 7th Makushin readings]. Proceedings of the sc. conf. (the 16th — the 17th of May 2006, Krasnoyarsk city). Novosibirsk. Pp. 168–172. In Russian.

Tarasov A. P. (2003) *Zabaykal'e i Kitay. Opyt analiza mezhdunarodnykh svyazey* [Transbaikalia and China. Probes on analy is of international relations]. Chita. In Russian.

Zabiyako A. P., Zabiyako A. A. (2017) *Russkie Trekhrech'ya: osnovy etnicheskoy samobytnosti* [Russians of Trekhrechie: bases of ethnic identity]. Novosibirsk. In Russian.

ABOUT THE AUTHORS

Klyaus V. L. <https://orcid.org/0000-0002-8147-3090>

E-mail: v.klyaus@mail.ru

Tel.: +7 (495) 690-50-30

25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

Grand PhD (Philology), head of the Department of Folklore, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences

Makhova L. P. <https://orcid.org/0000-0002-9105-958X>

E-mail: maxoba@mail.ru

Tel.: +7 (495) 629-67-11

13–6, Bolshaya Nikitskaya str., Moscow, 121009, Russian Federation

Research fellow, Kliment Kvitka Research Center for Folk Music, Tchaikovsky Moscow State Conservatory

---

THE ELOUSI PEOPLE IN AUSTRALIA AND CHINA

EVGUENI A. SINGATOULINE

(University of Sydney: Brennan MacCallum Building, NSW 2006, University of Sydney, Sydney, Australia)

Summary. *In the paper, descendants of cross-ethnic marriages between Russian women and Han Chinese men are observed by the author as two solid and mutually related communities. One is nowadays residing in Australia as a diaspora; the other is in the People's Republic of China where the forebears of the first group resided. The author used the method of participant observation during his fieldwork in the Inner Mongolia Autonomous Region of China (2017) where he became acquainted with the origins of the Australian "Chinese-Russian" diaspora; he did not conduct research in Xinjiang where Chinese Russians also reside. The author's perspective "starts from Australia", whose capital Sydney is one of the most multiethnic and multicultural cities in the world. He suggests a special term to denote these communities — "Eluosi" (in Pinyin transcription from the Chinese 俄罗斯族), which means "Russian", but with a special connotation. Local people in Australia mistake the diaspora under consideration as "Chinese", whereas its members emphasise Russian aspects when constructing their identity. The author has tried to distinguish these features in spheres which involve issues of ethnic self-identity. He has questioned members of the diaspora from 2008 onwards. His method of fieldwork is participant observation, which has included volunteer activity within the diaspora in Sydney for several years. Among the main features of Eluosi identity are the language spoken by members of the community. Understanding this language must take into account the linguistic situation in China as the land of the diaspora's origin and the influence of Orthodox Christianity, especially in the celebration of Orthodox Easter. The author also considers other outstanding features of material culture relevant to construction of the ethnic self-identity, especially female clothing, as well as house decorations. These are observed both for the Australian diaspora and for the land of their origin, that is, in PRC Inner Mongolia. The author's approach belongs to the discipline of cultural anthropology and his research is focused on cross-ethnic couples, youth love and courtship, marriages and everyday circumstances within nuclear families. He has interviewed his respondents touching upon fragile and intimate issues of couples' relationships during dramatic periods of social history in China and in Russian Transbaikalia of the 20th century and emigration to China. Due to issues of privacy compliances, no personal information is disclosed. In sum, the author concludes that Eluosi cultural transmission is female, the elusive heritage of "Grannies and mothers", although still conscious of the fathers' origin as Han Chinese.*

Key words: Australia, China, Russian and Chinese Metis.

ISSUES OF DEFINITION

Within the ethnic and cultural diversity of contemporary Australia and the city of Sydney there are members the *Eluosi* community, descendants of Russian women and

Chinese men. These people may be mistaken as "Chinese" by outsiders. Without dealing with issues of race and physical anthropology, I can't help admitting that the appearance of average member of the Eluosi diaspora